БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ • BULGARIAN ACADEMY OF SCIENCES

ПРОБЛЕМИ НА ГЕОГРАФИЯТА • 3-4 • PROBLEMS OF GEOGRAPHY
София • 2026 • Sofia

ДИСКУСИИ

ЛАНДШАФТ *VS* МАТРИЦА

Юлиан Тютюнник[1]

DOI: 10.7546/PG.3-4.2026.07

How to cite: **Tyutyunnik, Y.** 2026. Landscape *vs* matrix. *Problems of Geography*, 3–4, pp 159–182. ISSN 2367-6671. DOI: 10.7546/PG.3-4.2026.07

Под Матрицей в статье подразумевается самостоятельный онтологический феномен, состоящий из а) машины, б) правил (алгоритмов), в) знаков и образов. Матрица обладает признаками субъектности. Матрица генерирует и организует информацию во зло человеку, нивелируя и оболванивая личность (*Я*). Она возникла в истории вместе с рождением социума и прошла длительный путь становления, развития, усовершенствования. Сегодня она достигла «стадии» искусственного интеллекта и виртуальной реальности, которые в статье рассматриваются как антиподы ландшафтной организации людского бытия. Матрица, функционируя внутри ландшафта, или рядом с ним, постоянно с ландшафтом конфликтует, так как последний мешает Матрице выполнять её главную экзистенциальную задачу – обезличивать *Я*. Ландшафт обладает следующими «антиматричными» способностями и свойствами. Ограничивать скорости порождения, циркуляции, структурирования и складирования информации осуществляемые Матрицей. Перенормировывать бесконечность в невозможность. Позиционировать субъективность как личность (ландшафтная природа *Я*). Визуализировать личность (свойство лицевости). Гарантировать *Я* свободу выбора и свободу воли (аксиома выбора). Конституировать разнообразие бытия как таковое. В ближайшем будущем Матрица войдет (вошла?) в стадию очень жёсткого конфликта с Ландшафтом, исход которого сегодня непредсказуем. Упования на прогресс истории, общества и науки (включая географию) с «опорой» на искусственный интеллект и виртуальную реальность (т.н. трансгуманизм) экзистенциально недальновиды и наивны.

Ключевые слова: матрица, история, ландшафт, личность, свобода выбора.

[1] Национальный технический университет Украины «КПИ имени Игоря Сикорского», yulian.tyutyunnik@gmail.com
[1]National Technical University of Ukraine “Ugor Sikorsky KPI”; yulian.tyutyunnik@gmail.com

LANDSCAPE *VS* MATRIX

Yulian Tyutyunnik[1]

Abstract: In this article, the Matrix is understood as an independent ontological phenomenon consisting of a) a machine, b) rules (algorithms), and c) signs and images. The Matrix possesses the attributes of subjectivity. The Matrix generates and organizes information to the detriment of humanity, leveling and stultifying the individual (*I*). It emerged in history alongside the birth of society and has undergone a long process of formation, development, and refinement. Today, it has reached the «stage» of artificial intelligence and virtual reality, which the article examines as antitheses of the landscape organization of human existence. The Matrix, functioning within or alongside the landscape, is in constant conflict with the landscape, as the latter prevents the Matrix from fulfilling its primary existential task-depersonalizing the Self. The landscape possesses the following «antimatrix» abilities and properties: It limits the speed of generation, circulation, and storage of information structured by the Matrix. It renormalizes infinity into impossibility. It positions subjectivity as personality (the landscape nature of the Self). It visualizes personality (the property of faciality). It guarantees the Self freedom of choice and free will (the axiom of choice). It constitutes the diversity of being as such. In the near future, the Matrix will enter (has entered?) a very severe conflict with the Landscape, the outcome of which is currently unpredictable. Hopes for the progress of history, society, and science (including geography) «based» on artificial intelligence and virtual reality (so-called transhumanism) are existentially short-sighted and naive.

Keywords : matrix, history, landscape, personality, freedom of choice.

ВВЕДЕНИЕ

Потребности рассказывать географам, что такое ландшафт, нет, но что в этой статье подразумевается под матрицей, объяснить необходимо.

Строго определить феномен и категорию матрицы вряд ли получится. Мы придаём понятию матрицы ф у н д а м е н т а л ь н о е значение, а фундаментальные понятия определяются с большим трудом и неточно. Обращение к жёсткой форме дефиниции вряд ли даст ожидаемый результат. Пойдём иным путём: попытаемся понять, что такое матрица в интересующем нас ландшафтном контексте, опираясь на её признаки и свойства, важные для дискурса данной статьи.

Использование понятия матрицы в географии. В различных отраслях современной географии довольно часто обращаются к понятию матрицы. К примеру, в экологии ландшафта (М. Годрон, М. Гродзинский, М. Козова, Р. Форман и др.) математическую теорию матрицы применяют для идентификации и моделирования биоцентрически-сетевой пространственной структуры ландшафта. Особой популярностью в таких работах пользуются матрицы подобия и соседства (Гродзинский, 2005, с.

341-162). Матричные подходы и способы моделирования нашли применение в геоморфологии, геофизике ландшафта, экономической географии. А российский исследователь Г. Д. Костинский (1997) расширил понятие матрицы онтологически, предложил под ней понимать такие географические феномены и категории как «территория», «место», «регион», «район». Он справедливо указал на тот простой факт, что географическая наука, будучи наукой пространственной, исследует пространство не прямо и непосредственно (этим занимается физика), а с помощью названных категорий. При этом понятие ландшафта Костинский из числа объектов «географической матрицы пространственности» исключил, тем самым п р о т и в о п о с т а в и в л а н д ш а ф т м а т р и ц е . В этой работе мы такое противопоставление ещё более усилим. Более того, явным образом мы не будем учитывать типичные для географии трактовки матрицы. Обратимся к понятию матрицы, аналогичному тому которое имели в виду режиссеры Вачовски в известной кинематографической тетралогии 2000-х – 2020-х гг.

Аксиология матрицы в художественных трактовках. Оставляя структурные и экологические интерпретации географических матриц «пространственности» в стороне, мы ограничиваем наши сциентистские возможности по объяснению и репрезентации феномена матрицы. Но география, среди прочего, замечательна тем, что её метод позволяет обращаться к художественным интерпретациям и не считает их для себя чем-то несерьёзным. Гуманитарная географии, география искусства, художественное ландшафтоведение – все они равноправные и уважаемые части географии. Поэтому используем опыт беллетристики и кинематографа для объяснения того смысла, который мы вкладываем в понятие матрицы в статье. Первое, известное мне такое описание матрицы в художественной литературе, принадлежит замечательному ранне-советскому писателю-сюрреалисту Сигизмунду Кржижановскому. Им матрица в повести «Клуб убийц букв» (1926) выведена как особый телекоммуникационный механизм (называемый *эксом*), отнимающий у человека способность делать движения по собственной воле, но сохраняющий при этом в ясности его сознание (Кржижановский, 1990). В 1958 г. французский писатель Пьер Пейро (псевд. Стефан Вуль) в романе «Сирота Пердиды», вывел образ матрицы, как чего-то тягуче-текуче-поглощающего (названного им *голой идеей*), функционирующего одновременно как стазис и поток обезличивания всех *Я* посредством их приведения к «блаженству безликости» (Wul, 1958). (Здесь к месту заметить, что мэтр философии экзистенциализма – Альбер Камю описывал экзистенциальный абсурд, как нечто тягучее и липкое (Камю, 1990). Испанский писатель-фантаст Хуан Антонио Котрина в начале 21-го в. в повести «Выйти из фазы» (Cotrina, 2001) довел трактовку матрицы до логического завершения, изобразив её как исполненное компьютерных вирусов злонамеренное *Я* (персонажа по имени *Этан Ларнакс*), стремящееся обезличить все остальные существующие *Я,* погрузив их в

виртуальную реальность собственного *Я*, сделав тем своими самым марионетками.

Главные онтологические свойства матрицы. В контексте исследования, предпринимаемого в этой статье, наиболее важными для нас свойствами матрицы будут следующие. 1. Матрица имеет признаки субъектности и субъективности (этот момент очень выразительно изображён Хуаном Котриной). Поэтому в дальнейшем слово «матрица» мы будем писать, как имя, с большой буквы. 2. Экзистенция Матрицы состоит в том, чтобы обезличивать личность, лишая *Я* свободы выбора, а значит и свободы воли. 3. Жан Бодрийяр указывал, что "система образов и знаков", порвавшая с гуманистическими ценностями (а Матрица такой системой и есть), господство своих кодировок основывает "на принципе нейтрализации и неразличимости" (Бодрийяр, 2000, с. 55). Нейтрализуется личность, а неразличимость близкая по смыслу к обезличиванию, направлена не только на субъекта, но и на предметность объективного мира целиком. Неразличимость противоположна *разнообразию*. Элиминация разнообразия – один из самых потаённых, сокрытых и интимных моментов Матрицы.

Онтологическая амбивалентность Матрицы. Матричная механика унификации и деиндивидуализации с е г о д н я тесно связана с компьютером, компьютерным миром, компьютерным бытием, или тем, что почитатели «информационных технологий» называют красивыми именами *искусственный интеллект* (ИИ) и *виртуальная реальность*. Несколько огрубляя, можно сказать, что современная Матрица – это информация, кибирнетически системно организованная в парадигму и/или доксу. Если понятие парадигмы носит более идеальный (идеологический) характер, то докса сильна, прежде всего, мощью техники (как механизма навязывания и удержания). Матрица по своей природе трояка: 1) это сумма таких кибернетических понятий как система, структура, сеть, программа, память, база данных и др.; 2) это совокупность идеально-знаковых феноменов, как то алгоритм, цифра, число, код, функция, образ и т.п.; 3) Матрица – это п р о с т о м а ш и н а , которая имеет узлы и части, нужные для её жизни и работы: чип, жёсткий диск, процессор, экран и даже «мышка» и вентилятор (система охлаждения)... Что для Матрицы важнее – информационная структура / организация, идеальный знак / образ, или технический / электротехнический узел, ясно не до конца (Панов, 2013). Но в любом случае онтология и феноменология машинности Матрице имманентна.

Матрица и ландшафт. Идея «столкнуть лбами» Матрицу и Ландшафт пришла нам в связи с тем, что по тем или иным признакам, моментам, контекстм Матрица может быть похожей на ландшафт, мимикрировать под него, осуществлять свою зловещую историческую работу «от имени ландшафта». Но при более тщательном рассмотрении матричный обман раскрывается и ИИ-король (искусственный интеллект), прикрывающийся скоростью, эффектностью и комфортом электронного бытия, становится

«голым». Например. Ландшафт – онтологический оплот и форпост разнообразия, как такового, а Матрица в истории живёт тем, что пытается нивелировать разнообразие (физик сказал бы «увеличивать энтропию»). Но делает это она весьма хитрó. Задача – вскрыть сию хитрость. Сделать это проще и убедительней можно, обратившись к ландшафтной концепции, подходя к оценке деятельности Матрицы по-ландшафтоведчески. Возможно, нами будут нарочито заострены контроверзы и коллизии между Матрицей и Ландшафтом – предмет исследования этой статьи. Но сегодня подобное движение, по моему мнению, оправдано. Слишком опьяняющи упования нашего цехового сообщества на «геоматизацию», или «диджитализацию», или «цифровизацию», или даже «дигитосферизацию» географической науки текущего, а тем более 22-го, века. Слишком радужны надежды на ИИ. Пугающе чрезмерно увлечение виртуальной реальностью. То, что они таят в себе экзистенциальные угрозы, кажется, уже всеми понимается. Но соблазн достичь «цифрового рая» в научном методе (как и в повседневной жизни) велик. Полагаю, в такой ситуации нелишней станет определённая порция *луддизма*. Что нам принесёт машина в грядущие десятилетия, никто не знает. Нет никаких гарантий, что «побочные эффекты» от внедрения информационных технологий в географию (в науку, в жизнь), станут основными результатами и Матрица начнет диктовать «правила игры». Этого хотелось бы избежать. И фундаментальный онтологический феномен, именуемый ландшафтом, мог бы, как нам представляется, стать хорошим подспорьем в деле сопротивления человека Матрице – сопротивления, которое возникло не вчера и даже не позавчера, но которое приобрело новые исторические качества сегодня.

КРАТКИЙ КОНСПЕКТ ИСТОРИИ МАТРИЦЫ

Честь открытия Матрицы, как негативной, даже злобной, вредоносно для человека организованной информации, принадлежит нашему выдающемуся коллеге по географическому цеху – Петру Алексеевичу Кропоткину (хотя о Матрице, как таковой, в его времена ещё и не заикались). В работе «Современная наука и анархия» (1913) он показал, что государство, на заре истории человечества было изобретено и утверждено властолюбцами трёх мастей: 1) военными вождями и предводителями; 2) хранителями родовых традиций, сказаний, правил общежития племени, завещанных предками и освящённых памятью о них; 3) магами и колдунами, обладающими «тайнознанием», умеющими эффектно «общаться с духами», исполнять магические ритуалы (Кропоткин, 1990; с. 402-403, с. 411, с. 423). Первые опирались на свою собственную и своих друзей – «свиты», «дружины», «спецслужбы» – грубую силу копья и дубинки, меча и кастета, пулемёта и яда. В конце концов, они придумали и сделали термоядерную бомбу. Вторые и третьи обладали силой догмата,

интерпретации, убеждения, внушения, навязывания собственного мнения. Эта невидимая мощь, подпитывалась энергией очарования и экстаза, даруемой искусством танца, рисования, декорирования, музицирования, пения. У Кропоткина ещё не было достаточно строгих аргументов-доказательств для твёрдого подтверждения увиденного им исторического явления – генезиса Матрицы. Но интуитивно его социологическое наблюдение было гениальным: на 1/3 этатизм истории порождался грубым физическим насилием, на 2/3 – посредством насилия интеллектуального, ментального, духовного, психологического: Матрицей. Это было её младенчество. Главная задача ментального насилия выкристаллизовывалась в истории как выработка не силовых способов лишения человека свободы выбора, поддерживаемых и тиражируемых манипуляциями, усиливаемыми специальными устройствами и алгоритмами: начиная с простейших приёмов воспитания детей и заканчивая изощрёнными схемами современной психонетики.

В политической философии, культурологи и антропологии способы управления человеческим мышлением и поведением изучены детально, здесь трудно сказать что-то новое. Сошлёмся на авторитет – этого будет достаточно – выдающегося советского историка и антрополога Бориса Фёдоровича Поршнева. В фундаментальном труде «О начале человеческой истории» он сформулировал положения о суггестии, контрсуггестии и контрконтрсуггестии и раскрыл их влияния на политическую историю человечества (Поршнев, 1974). *Суггестия* – это первые, наиболее простые способы внушения и оболванивания одной особи гомо сапиенса другой особью. Но аналитический ум человека по своей природе критичен, поэтому приёмы суггестии, как правило, «нарываются» на *контрсуггестию* – более или менее упрямое противодействие обманщику обманываемым. Тогда «умники» задействуют более мощный способ влияния, названный Поршневым *контрконтрсуггестией*. Сегодня философы говорят о нём как об «Urdoxa»: «беспрекословное» и «безапелляционное» мнение «авторитета», подаваемое и навязываемое в процессе иногда довольно сложного социального ритуала – этакая идеологическая «перековка», как выражаются знатоки контрконтрсуггестии.

Но и нейтрализация контрсуггестии успешна далеко не всегда, и это «далеко» в отдельные периоды истории – бунтов, смут, революций – определяет, если не весь её ход, то уж точно – резкие повороты и развороты. Самые сильные способы противостояния оболваниванию и ментальному насилию, которые имеет в своём арсенале контрсуггестия, это юмор и сатира, сарказм и гротеск, насмешка и кривляние: против них бессильны самые сильные средства догматического и доксического «воспитания» и «перевоспитания» (не так давно за политический анекдот можно было угодить и за решётку). Уже в древнем мире приёмы контрсуггестии были до остроты клинка отточены киниками. С дерзкими пересмешниками –

«собаками-анархистами» побаивались связываться даже такие столпы древнегреческой демагогии как Платон. Но с другой стороны, представители лагеря обманщиков тоже разрабатывали эффективные приёмы обмана. Особенно преуспели в этом софисты. Недавно мне попался автореферат кандидатской диссертации, посвящённой приёмам манипулирования людскими мыслями и поведением, изобретённым софистом Протагором. Автореферат имел гриф «для служебного пользования»: системотехника лжи, отшлифованная древним греком, по-прежнему востребована и действенна[2]. Античная, в частности, софистическая, контрконтрсуггестия – это детство Матрицы.

Отрочество Матрицы припадает на Средние века, когда на первые роли, как способ суггестии, вышла институционализированная р е л и г и я. Возрождение можно считать периодом юности и возмужания Матрицы. В это время, во-первых, суггестивные способности Матрицы многократно усилились и с к у с с т в о м (особенно живописью и музыкой); во-вторых, в 1440-х годах Иоганном Гуттенбергом был изобретён печатный станок со сменными литерами. И это ознаменовало начало машинного этапа бытования Матрицы, качественно более мощного по способности к суггестии. Сегодня же эпоха матричной машинерии на наших глазах переходит в эпоху *виртуальной реальности*.

Печатный станок, как машина, не только открыл новые возможности для тиражирования и трансляции лжи. Он материализовал и вывел на более высокий онтологический уровень принцип машинности, свойственный Матрице «от рождения». Одновременно печатный станок стал машиной тоталлизации, которая вызвала из чёрных глубин истории злых духов *тоталитаризма* и *идеологии*. А информационные маги, отправляющие свой культ в типографиях и редакциях – комментаторы, журналисты, папараци оформились в новую структуру власти – *четвёртую власть*.

Одной из важнейших отличительных черт машинной эпохи в исторической эволюции Матрицы стала её абсолютная ментально-идейная всеядность. В машину закладывались любые идеи, художественные концепции, поведенческие программы, религиозные верования, политические идеологии, философские системы и всё прочее, что марксисты называли «надстройкой», и машина матрицы всё это с аппетитом переваривала, выдавая на выходе всегда одно и то же – всё более и более совершенные способы обмана человека и обезличивания его *Я*.

Принцип машинности креп, развивался, концептуализировался и в последнем десятилетии 19-го – первом 20-го века претерпел серьёзное изменение-усовершенствование. Это произошло независимо в двух, на

[2] Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно в философском эссе «Одиссей или миф и просвещение» обращают внимание на другого знаменитого эллинского обманщика-хитреца – гомеровского Одиссея, и показывают, как разработанная им систем лжи плотью и кровью вошла в становящуюся европейскую культуру (Хоркхаймер, Адорно, 1997).

первый взгляд, далёких друг от друга областях – психоаналитической и технико-технологической.

Первая, очерченная Зигмундом Фрейдом, хорошо известна. Бессознательное работает в подсознании как «оно», «либидо», «эрос», «танатос», манипулируя всякого рода вытеснениями, сублимациями, страхами перед кастрацией и т.п. Машина фрейдизма сообщила Матрице в Новейшее время импульс, который мы называем сегодня *сексом*. С его помощью, снимая все социальные табу на изображения (порнография) и тонко манипулируя глубинными инстинктами человека, как биологического организма, она успешно дирижирует людским подсознанием.

В 1900-е – 1910-е годы принцип машинности претерпел также, *конвейерную* трансформацию, причём синхронно в двух направлениях. Первое – машинно-техническое: изобретение Генри Фордом производственного конвейера. Второе – машинно-эстетическое: изобретение немецким архитектором и дизайнером Петером Беренсом конвейерного тиражирования образов товара (рекламы продукции фирмы AEG). И первое и второе объединялось принципом сборочной линии – *assembly line* (Рансьер, 2007, с. 229). Это был первый шаг к всеобщей роботизации социальных процессов: сегодня на него делается ставка и предсказывается вытеснение роботами живых людей – хорошо, если только из производства…

Влияние на ход истории в 20-м веке изобретений Форда и Беренса было не меньшим, чем до этого влияние на её ход изобретения Гуттенберга. Но машина книгопечатника тиражировала большей частью тексты, которые нужно было хоть примитивно, но читать или слушать. А сборочная линия Питера Беренса рождала, воспроизводила и тиражировал главным образом визуальные образы – картинки, которые, с точки зрения суггестивного влияния, воспринимаются и абсорбируются жертвой суггестии намного быстрее, проще и эффективнее, чем дискурс текста. По «счастливому стечению обстоятельств» в те же годы братья Люмьер «научили» картинки двигаться: родилось к и н о – исключительно мощная техника суггестивного влияния. А через несколько десятилетий кино стали передавать с помощью радиоволн – появилось т е л е в и д е н и е. Мощь, быстроту его влияния на человеческие разум и чувства и переоценить трудно. Немногим ранее своё место в суггестивном аду истории заняло р а д и о в е щ а н и е .

Первая половина XX века технически перевооружила Матрицу и этим не преминул воспользоваться Йозеф Геббельс. Печальный результат его дьявольского с ней сотрудничества, особенно в области кино и радио, увы, истории хорошо известен. Впрочем, удивительных достижений в области технически вооружённого оболванивания и обезличивания масс в середине 20-го в. добились не только нацисты. Параллельно, чуть ли не нарочито иллюстрируя ментально-идеологическую всеядность Матрицы, на зияющие вершины истории всплыла пена идеологических и даже военных

противников гитлеризма. Немного на восток от Германии из этой пены выплыло нечто, поименованное «отцом народов», а ещё восточнее, спустя некоторое время, из пены идеологических нечистот вынырнуло «самое красное из всех самых красных солнц». Мао-Цзэдун парадигму «солнце» выбрал неспроста. Это очень древняя и сильная образная парадигма власти, её изобрел не «король-солнце» Людовик 14-й, а египетские фараоны. Они первыми додумались отождествлять себя со светом звезды, ставя свет себе на службу в виде л у ч е й в л а с т и ослепляющих подданных. Образ Солнца со слепящими лучами хорош тем, что не требует долгого дискурсивного убеждения в гениальности очередной исторической твари, достаточно я в и т ь образ светила массам – и на 99% твёрдая власть этой твари обеспечена. Со второй половине 20-го века слепящие образы власти легко и просто воспроизводятся, тиражируются и внушаются массам телевизионными машинами, обладающими способностью устанавливать между своими экранами и зрителями отношения, аналогичные таковым между «палачом и жертвой» (Смольская, 1986, с. 107), а также превращать ложь в «повседневную практику» (Лавренова, 2022). С течением времени ускоряется процесс генерирования, транспортировки и репрезентации «картинок» и «надписей», рождается феномен *клипа*, формирующего идеально управляемое к л и п о в о е с о з н а н и е. Клип абсолютно не нуждается в дискурсе, что многократно облегчает Матрице её работу, и способен вызывать у реципиента физиологическую зависимость сродни наркотической или алкогольной.

В самых общих чертах историческая эволюция Матрицы, включая день сегодняшний, может быть описана моделью Жиля Делёза и Феликса Гваттари, в которой эволюция эта представляется как смена во времени разных способов кодирования, декодирования и рекодирования на поверхности очень специфического объекта, названного ими т е л о м б е з о р г а н о в (Дельоз, Гваттарі, 1996, с. 40). Это довольно абстрактное и даже сюрреалистичное понятие, полезно для нас тем, что помимо прочих, допускает по отношению к себе и геодезические интерпретации. Это является прямым указанием на его квазигеографическую феноменологию. Исторический процесс видится французским философам как распутываемый во времени клубок процессов территоризации / детерриторизации / ретерреторизации, осуществляемых на теле без органов посредством нанесения на его поверхность знаков и значений, кодов и кодификаций, символов и образов, а также чисел – всего того, чем Матрица пользуется в своей повседневной деятельности.

К началу 1970-х гг. Делёз и Гваттари различали три этапа исторической эволюции кодирующе-декодирующих операций: «дикарский», «варварский», «цивилизованный» или «капиталистический». Вероятно, сегодня следует говорить о начале уже четвёртого этапа, назовём его,

отталкиваясь от идеи О.А. Лавреновой о д и г и т о с ф е р е (Лавренова, 2022), «дигитальным» (или «диджитальным»).

На первом этапе кодирование было жёстко привязано к телу земли и другим физическим телам, включая человеческие (татуировки[3]). В далёкие времена исторический процесс обозначался знаками, символами, кодами, наносимыми на непомеченное тело территории и она становилась охотничьим угодьем, местом проживания племени и обитания племенных духов, пространством правил и законов протогосударства, в общем – о й к у м е н о й. Разумеется, в своих древнейших двух третях этатизма (по П.А. Кропоткину), как машина кодификации, Матрица принимала в этом процессе самое активное участие. На следующем, «варварском», этапе с помощью декодирования и рекодирования территориальные тела превращались в “тела деспотов” (выражение Делёза и Гваттари). Детерриторизация «дикарских» пространственных тел создавала предпосылки для новых способов кодирования, для подчинения людей “имперской записи, новому целому” (Дельоз, Гваттарі, 1996, с. 205). Здесь Матрица, будучи машиной кодирования, “замещала абстрактными знаками знаки земли” (Дельоз, Гваттарі, 1996, с. 207). «Цивилизованный» этап работы машины кодирования и кодификации обозначился усилением абстрактности форм и процессов нанесения знаков на пространственные тела «дикарей» и «деспотов» до такой степени, что Делёз – Гваттари вообще увидели в них (формах и процессах) акты не кодирования, а декодирования территории. Но это было не просто декодирование, а матричная трансформация кода в *денежный знак*. “Понятия кодификации и кодирования, – писали философы, – замещает идея денег с их аксиоматикой абстрактных величин, которая всё больше и больше способствует детерриторизации социума. Капитализм приближается к тому порогу декодирования и декодификации, за которым в обществе господствуют интересы тела без органов”, где оно “пребывает на грани шизофрении” и “все его силы направлены на порождение шизоида” (Дельоз, Гваттарі, 1996, с. 52). Шизофрения, как известно, это глубокое болезненное и непоправимое раздвоение ... нет, в данном случае не личности, а кода: код, оставаясь самим собой функционально, онтологически перестает быть кодом, как таковым. Так наступает нынешний, «дигитальный», этап кодирующе-декодирующей «игры истории» или (если так кому-то больше нравится) «эволюции цивилизации». Шизофрения для Матрицы – как агар-агар для бактериального посева. Но углубляться в эту тему мы не будем: то, что происходит на наших глазах, ещё плохо осмыслено, сыро и не до конца идентифицировано. Проиллюстрируем вхождение истории в дигитальную

[3] Сегодняшняя повальная мода на тату и пирсинг отражает не что иное как подсознательное стремление к возрождению древнейших стереотипов кодировок, наносимых на тела без органов.

стадию её эволюции (или инволюции?) только двумя примерами, ставящими исторические процесс на грань *шизопроцесса*.

Первый пример. В 2022-м году государство N записало в своей конституции, что территории государства M принадлежат ему, и на «основании» одной только этой записи-кодировки, не осуществив в полном объеме необходимого в таких случаях физического завоевания пространства, объявило вожделенную территорию «своею». Ранее такого в истории никогда не было, любая территория для любого завоевателя становилась «своей» только после её фактического завоевания (не обязательно военным путём). В нашем же случае окончательного физического завоевания ещё не произошло (и оно вряд ли осуществиться), но в кодификационной записи на теле «конституции» государства N факт освоения территории уже состоялся. На первый взгляд это выглядит как симптом тяжёлого психиатрического недуга вождя завоевателей, но только на первый взгляд. Скрытая от взгляда реальность такова, что код нанесён на виртуальную реальность не (кем-)чем-нибудь, а самой Матрицей, которая, как это не парадоксально, используя древнейшие способы территориального кодирования, как клещ впилась в фактически не завоёванную, но уже «её», землю.

Второй пример. Криптовалюта. Банковские карточки – потомки тамплиеровских векселей, довели до предела виртуальное денежное «татуирование» тела капитала. Но даже такая максимально автономная электронная форма записи стоимости в любом случае может быть трансформирована в физические деньги, драгметаллы, самоцветы. Криптовалюта – нечто качественно иное: это деньги, которых физические нет – ни актуально, ни потенциально. Это чистая конвенция: «Будем считать количество электроэнергии, потреблённое в процессе майнинга мерилом стоимости», – и больше ничего. Нужно только записать конвенцию на т е - л е д и г и т о с ф е р ы. Вся мощь аксиоматической записи на виртуальном теле капитала, производимой Матрицей, полностью зависит от электроэнергии, а электроэнергия берётся из Земли – из ландшафта, её дают силы воды, ветра, прибоя, солнечного света, угля, газа, нефти, урана. Кроме того, Матрице, как физической машине, нужны редкоземельные химические элементы. Эти «малыши» горнорудной промышленности, ранее уходившие в отвалы и хвосты, сегодня «рулят» мировой геополитикой. Матрица конечно хотела бы оторваться от ландшафта, но по мере своего научно-технического «усовершенствования» и «развития» лишь сильнее в нём, как в зыбучем песке, увязает. Предельное абстрагирование, происходящее в виртуальной реальности, которое мы наблюдаем в дигитосфере, требует не менее предельной физики минералов и высоких энергий. Эти механика и энергетика порождают новейшие «образцы» и дикарей с дубинками, и варваров с ятаганами, и цивилизаторов с баллистикой… Шизофреническое раздвоение общественного бытия на виртуальную и материальную

реальности приобретает волне реальные контуры последней войны «карта» которой (выражение одного известного сегодня политика) рано или поздно будет вытянута из колоды истории искусственным интеллектом.

СКОРОСТИ МАТРИЦЫ И ИХ ОГРАНИЧЕНИЕ

Привлекательность Матрицы зиждется на скорости – генерирования, аккумуляции и складирования, трансформации, перемещения и репрезентации информации. Человеку нравится всем этим легко и просто управлять – так же, как кататься на красивом электромобиле или на скорую руку поглощать аппетитный фаст-фуд. Но только до момента, пока не пришло осознание, что и генерируют и с аппетитом поглощают его самого, что ты зависим и от калькулятора и гамбургера. Скорость даёт комфорт, комфорт расслабляет, расслабление создает предпосылки для отказа сначала от критического / аналитического мышления, а затем от мышления вообще. Его функцию перенимает ИИ. Всё настолько же просто, насколько опасно. Скорости манипуляций информацией, доступные Матрице, *запредельны*. В том смысле, что превышают пределы, установленные человеческому мозгу биологической эволюцией.

Толчок к росту скоростей манипуляции информацией Матрица получила в начале Нового времени. Как показал Ян Хакинг, метод математического доказательства на заре той эпохи находился как бы на распутье. Один из способов этого доказательства, восходящий к Г.В. Лейбницу, осуществлялся по итерационной схеме n+1, пошагово, и количество шагов предполагалось неограниченным. Лейбниц был убеждён, что “контингентные истины имеют бесконечно длинные доказательства” (Хакинг, 2020 , с. 42). Предполагалось, что пошаговые доказательства могут осуществляться машиной. В 1936 г. Алан Тьюринг сделал такую машину, её назвали в его честь: *машина Тьюринга*. А современный американский математик Владимир Воеводский довел идею машинного доказательства до предела, утверждая, что сколь угодно длинные пошаговые манипуляции с информацией машина вполне может делать, без участия человека и намного продуктивнее мозга, так как скорость работы машины куда больше. Идеология и метод подготовлены, остаётся только физически сделать такую супермашину: квантовые компьютеры, которые на подходе, кажется, именно то, что нужно.

Сторонником другого способа математического доказательства, как бы предчувствуя то, что машина Тьюринга рано или поздно начнёт над человеком насмехаться[4], был Рене Декарт. Он полагал, что каким бы длинным и сложным доказательство ни было, его с самого начала нужно

[4] В романе Станислава Лемма «Магелланово облако» всё знающий и всё умеющий суперкомпьютер будущего, названный Тьюрингом в честь выдающегося математика, грубо рассмеялся в лицо человеку, когда тот задал ему вопрос: «Зачем мы живём?».

“видеть в целом, прежде чем правильно понять” (Хакинг, 2020, с. 45). Здесь первенство отдаётся интуиции, представлению, образу, феноменологической ноэме. Это образный способ мышления, и он противопоставляется итерационно-дискурсивному. В математике он играет также важную роль, например, когда математик апеллирует к красоте доказательства, но как бы «полуподпольно».

Образ, интуиция, мгновенное озарение, пограничные ситуации и, в конце концов, экзистенциальные вопросы и экзистенциальные же ответы на них – прерогативы человеческого мозга и души. Машине они недоступны. Это то, чем Матрица не овладеет никогда. Откровение, гениальная догадка, «божья искра» машине заказаны, какими б огромными скоростями манипуляции с информацией она не обладала. Недискурсивными актами и действиями ставится первый и самый простой, но очень сильный, предел скоростному могуществу Матрицы. В принципе, человеческий мозг так и поступает, прибегая к помощи «загадочной» интуиции, или пребывая в состоянии сна. В детстве образный способ мышления у человека вообще преобладает (Ротенберг, 1978).

В качестве непреодолимого экзистенциального препятствия для выполнения Матрицей своих функций выступают также *свобода выбора* и *свобода воли*. С нею Матрица сегодня активно борется. Каков будет исход борьбы – не ясно, но тема электронного хоррора для жевания философствующими прогнозистами и эпатажными кинематографистами (литераторам, художниками…), которые работают в жанре кибер-панка и постапокалипсиса, сегодня благодатна и обильна. К сожалению, не без основания.

Ещё одним мощным тормозом для запредельных скоростей Матрицы выступают противоречие, парадокс, нонсенс и абсурд. Они преследовали человека всегда, но сегодня даже в строгих областях мышления уже не рассматриваются исключительно по-аристотелевски – как докучливые логические аватары, мешающие правильно мыслить. Парадокс в рамках *диалетеизма* – особой логико-математической философии (Прист, 2024), стал неотъемлемой частью институционализированых способов мышления, что географы, кстати сказать, заметили (Черкашин, 1997) не намного позже математиков и философов. Что касается абсурда, то он всегда находился и остаётся в центре внимания весьма почтенного философского учения экзистенциализма, созданного ещё в 19-м в. Сёреном Кьеркегором. Может ли Матрица преодолеть логический парадокс и экзистенциальный абсурд, «вогнав» их в свои бесконечные скорости манипуляции с информацией? – На этот вопрос ответа пока нет.

Эффективную, с позиций географического мышления, модель способов торможения скоростей хаоидных потоков информации предложили Ж. Делёз и Ф. Гваттари в теории планов и рамки (Делёз, Гваттари, 1998). С хаосом, каждая по-своему, борются наука, философия и искусство.

Наука и философия набрасывают на хаос *планы* – в смысле спациальном: план – это чертёж; и в смысле темпоральном: план – расписание. Философский план Делёз и Гваттари называют планом имманенции, научный – планом референции. Планы задают, можно сказать «навязывают», пути, направления, последовательности и ритмы хаоидным перемещениям, тем самым приструнивая и организуя хаотичность. Что касается искусства, то оно набрасывает на хаос *рамку*, что тоже не даёт движению хаоса разгоняться в полную силу. Рано или поздно движущийся хаос останавливается рамкой. Поэтому художники так и любят помещать свои картины в рамки или, хотя б на подрамники. И план и рамка. Географами уже отмечалось, что модель планово-рамочной «организации» хаоса научной/философской мыслью и художественным творчеством, предложенная Делёзом – Гваттари, может быть успешно интерпретирована, согласно своей внутренней логике, как сущностно географическая (Замятина, 1999).

ЛАНДШАФТНАЯ ЗАЩИТА

Функциональная сущность зла, как экзистенциального и аксиологического феномена, заключается в том, чтобы снивелировать человеческую личность, лишить *Я* тех качеств и свойств, которые делают его индивидуумом. Этого можно достичь посредством отнятия у личности свободы выбора и свободы воли. Поскольку, как было нами показано ранее (Тютюнник, 2020), *Я* имеет ландшафтный генезис, логично предположить, что ландшафт каким-то образом способен противостоять злу, воспроизводя и поддерживая эти свободы. Каким образом? – на некоторые способы укажем.

Стоп бесконечность! Запредельность скоростей хаоса, которые генерирует Матрица, делая его подконтрольным не человеческому мозгу и духу, а только собственным алгоритмам и базам данных, зиждется на той онтологической основе, которую обычно называют *бесконечностью*. Запредельность может иметь место только в таких условиях, когда есть возможность перешагнуть любой предел. Такое перешагивание является эффектным гносеологическим фокусом. Георг Кантор обозначил его символами ω для ординальных чисел (порядковых числительных) и $\aleph_0$ для кардинальных чисел (количественных числительных) и назвал трансфинитным числом. Оно, по Кантору, является первым числом, следующим после всех натуральных чисел. Так как ряд натуральных чисел бесконечен, то трансфинитное число – это число, следующее после бесконечности. Модель красива, мощна, впечатляюща и даже вполне функциональна – в теории множеств, но чревата одним онтологическим недоразумением: никто не в состоянии ни объяснить, ни понять, что значит «после бесконечности». Объективно такого не существует. «После

бесконечности» может быть в мечте, в фантазии, в модели, в символе и т.п., но не в физике, не в биологии и даже не в философии… В экзистенциальном смысле, бесконечность – это то, что *невозможно*. В очевидном и вполне осязаемом прилагательном «невозможно» бесконечность утрачивает все свои претензии на онтологичность и полностью подчиняется экзистенции и методу. Происходит своеобразная п е р е н о р м и р о в к а понятия бесконечного, можно говорить об «оконечивании бесконечного» и «обесконечивании конечного» (Кудряшев, 1997). И в том и в другом случае бесконечное попадает в онтологическую зависимость от конечного. Экзистенциалистский взгляд на бесконечность проясняет главную её тайну: бесконечность нельзя интерпретировать онтологически, её стихия – чистая эпистемология, да и то ограничиваемая методом (в частности, интерпретации). Это-то и ставит предел эксплуатации Матрицей понятия и феномена бесконечного. Невозможно конституировать скорости обращения машины с информацией посредством неограниченного итерационного перешагивания пределов: бесконечности, куда можно было бы устремить эти пределы, которые затем снова можно было бы перешагнуть, такой бесконечности попросту нет. А машина Тьюринга по определению должна работать именно так.

Остаётся «только» найти ту среду и те условия, в которых возможен и облигатен экзистенциалистский взгляд на бесконечность. Такой «средой» мы считаем ландшафт. Чтобы с бóльшей наглядностью убедиться в конструктивности такого видения ландшафта, можно вспомнить о том, что ландшафт феномен не только пространственный, но и временнóй, или, как афористически заметил Нико Беручашвили, имеет «четвертое измерение» (Беручашвили, 1986). Попутно заметим, что этот простой факт помещает ландшафт в онтологическую ситуацию, детально описанную М. Хайдеггером во «Времени и Бытии» (Хайдеггер, 1997). В частности, хайдеггеровское *Dasein* имеет место не «где-то», а в конкретном ландшафте. Но для нас в данном случае важнее другое. Во-первых, время существования человека ограничено. А существование в философии экзистенциализма видится «более главным», нежели сущность: нет существования *Я* – нет и сущности. Во-вторых, жизнь человека проходит в ландшафте и только в ландшафте («окружающей среде», «экосистеме», «биосфере» и пр.), т.к. именно в нём бытует тут-бытие – Dasein. В-третьих, количество любых элементов в ландшафте принципиально конечно. И, в-четвёртых, все ландшафтные элементы находятся в более или менее быстром, прерывном или непрерывном, но неизменном движении, перемещении, трансформации. Также следует помнить о том, что любое *Я*, субъективность человека, как таковая, обусловливается ландшафтом. В итоге нетрудно прийти к выводу, что трансформацию бесконечного в конечное («оконечивание бесконечного») следует искать именно в ландшафте, особенно в его «четвертом измерении» – во времени. Предлагаем читателю самому

построить цепочку умозаключений, приводящую к такому выводу – она не сложна, а для «подсказки» укажем на опыт Архимеда, вероятно, первого, кто увидел то, что элементы ландшафта не бесконечны в количестве, а невозможны в исчислении. В своём трактате «Псаммит» (Архимед, 1962) великий механик и математик «подсчитал» количество песчинок в шаре, очерчиваемом небесным куполом, но сделал это не путём итерации, что невозможно, а с помощью п р и б л и з и т е л ь н о й оценки количества песчинок посредством специальных математических манипуляций. Это ему понадобилось потому, что, несмотря на конечность числа песчинок в конечном объёме, точный пересчёт о ч е н ь большого их количества невыполним уже хотя бы по тем причинам, что а) жизни не хватит, б) песок в реальном ландшафте постоянно перевивается и рассыпается, следовательно, его количество постоянно меняется. Можно также добавить, что такая бухгалтерская работа абсолютно бесполезна, а значит никто её финансировать не будет.

Вывод: перенормировка бесконечности в невозможность имманентна и имплицитна Ландшафту; это нейтрализует претензии Матрицы на запредельность. Есть, правда, у физиков сегодня теория Вселенной, как этакой тотальной Компьютерной Симуляции, но напоминает она больше фантазии кибер-панка, не дотягивая даже до Евангелия от Иоанна: «Сначала было Слово»…

Аксиома выбора и множество всех множеств. Перенормируя бесконечность в невозможность, Ландшафт накладывает ограничения не только на деятельность Матрицы, но и на «полёт мысли» гомо сапиенса. И это нормально, поскольку для последнего будет лучше, если он не станет видеть в «себе любимом» этакого «богочеловека» или очередного «наполеона»… Но, ограничивая сапиенса в его гносеологических претензиях (не редко искусственно подогреваемых Матрицей), Ландшафт удивительным образом компенсирует это ограничение тем, что предоставляет сапиенсу свободу выбора и свободу воли. А в них-то и «содержится» самая надежная защита от обезличивающей активности Матрицы.

Есть у математиков одна очень интересная и очень важная для них (и не только для них) аксиома: *аксиома выбора*. Она настолько важна, что некоторые математические школы даже побаиваются её использовать и строят свои теории без неё. В теории множеств её формулируют так: “Для каждого семейства ***A*** непустых множеств, которые не пересекаются, существует множество *B,* которое имеет один и только один элемент, общий с каждым множеством *X,* принадлежащим ***A***” (Куратовский, Мостовский, 1970, с. 61). По существу это означает, что всегда существует множество, из которого можно выбрать элемент. Американский математик Александр Есенин-Вольпин (сын Сергея Есенина) делает важное дополнение: “Аксиома выбора позволяет не только осуществлять все эти выборы, но и

объединять элементы, которые выбираются, в одно множество" (Коэн, 2009, с. 94). А основоположнику теории множеств чешскому священнику Бернарду Больцано принадлежит такая очень важная, мысль: "Остается <…> справедливым тот факт, что исключительно от нас, и по большей части вполне от н а ш е г о п р о и з в о л а, зависит то, захотим ли мы соединить несколько простых предметов в одну совокупность или нет, и что только в случае, когда мы это делаем, между ними возникают известные отношения (разбивка моя – Ю.Т.)" (Больцано, 2026).

Суммируя, можем утверждать: сообразно нашим желаниям, мы всегда можем из множеств выбрать элементы и всегда можем из выбранных элементов сформировать новое множество, либо же вставить их в уже имеющиеся. Это и есть свобода выбора, а также, следующая за ней свобода вставки (несколько неуклюже, но пока скажем так). Несложно понять, что будучи перенесенными в область экзистенции, эти свободы создают основу того, что мы называем *свободой воли*. Но что это за «таинственные» множества, из которых выбираются и в которые в любых сочетаниях вставляются элементы? – ***Это ландшафты***. В просторечии – окружающая среда. Как видим, создание ландшафтом онтологической предпосылки для свободы воли – вовсе не «высокая» экзистенциальная философии, доступная только для «просвещённых», а простой факт из жизни человека и ландшафта.

Для географа выбирать из ландшафта элементы, группировать их всякими способами и вставлять обратно в ландшафт в трансформированных видах и новых порядках – излюбленное занятие и должностная обязанность. Самые популярные и объективно наиболее важные процедуры географической игры – классификация и картографирование. Среди географических классификационных феноменов, самым простым, но главным, является класс (множество) по имени *геокомпонент*. Геокомпонент – это прежде всего тип (Тютюнник, 2022). А тип, как таковой, согласно А.Ф. Лосеву (Лосев, 2013), имманентно л и ц е в, и эта его лицевая (=физиономическая) имманентность передается ландшафту, поскольку он из геокомпонентов собран.

Так как в аксиоме выбора в неявной форме присутствует (согласно Больцано) момент произвола, то выборы из совокупностей и объединения в совокупности элементов ландшафта, вообще говоря, можно делать очень разными способами. Например, вспоминая идеи того же Н.Л. Беручашвили, элементы ландшафта можно объединять в *геомассы* и *геогоризонты* (Беручашвили, 1990). Типологически они более абстрактны, чем геокомпоненты, и выражено физиономичны бывают не всегда. Ещё более замысловатыми в географии выглядят такие совокупности как *компаж*, *ассамбляж*, *сборка* и т.п. Сам ландшафт – детище планово-организованного хаоса, совокупления элементов в каких угодно онтологических сочетаниях, но всегда ограниченных эпистемологическими и экзистенциальными

рамками. Ландшафт за рамку никогда не выходит, но может подходить к ней вплотную, возникая н а п р е д е л е возможных и имеющих смысл (экзистенциальный и эпистемологический) комбинаций и союзов. Поэтому ландшафт можно считать *множеством всéх множеств*. Здесь само понятие множества, внутренне противостоящее понятию хаоса как бессмысленной смеси, ограничивает волюнтаризм и произвол объединения чего попало с чем попало. Очевидно, так понимаемо множество всех множеств для Матрицы опасно. С одной стороны, ландшафт даёт свободу, с другой ставит рамки. В какой-то мере марксисты были правы, утверждая, что свобода – это осознанная необходимость. Но не будем забывать и того, что открытие Матрицы в истории, которая имплицитно противостоит Ландшафту в сфере свободы, сделано не марксистом, а анархистом, и притом географом.

Однако «взаимоотношение» ландшафтных рамок и матричных рестрикций не так просто, как может казаться. Здесь кроется болезненный момент, позволяющий Матрице мимикрировать под Ландшафт.

Парадокс, свобода, произвол. Матрица не была бы матрицей, если бы обходными путями не пыталась «расправиться» с ландшафтом как множеством всех множеств и даруемой им субъекту свободой выбора. Приёмы Матрицы коварны и часто неочевидны.

С позиций логико-математического мышления, понятие множества всех множеств объявляется неразрешимым парадоксом – об этом в начале 20-го в. громко заявил Бертран Рассел. Но его уверенность основывалась не на онтологии, а на эпистемологии, на правилах з д р а в о г о с м ы с л а. Да, формальное мышление и дискурс, имеют свои незыблемые законы, согласно которым множество всех множеств, если его понимать как элемент самого себя, в самом деле, является неизбывным противоречием и парадоксом. Но это вовсе не повод и не причина для того, чтобы формальную логику и дискурс абсолютизировать, пытаясь сообщить им онтологический статус. Существуют иные способы мышления и, следовательно, понимания множества всех множеств – что это такое? Среди них – ландшафтный, или, как говорил, апеллируя к идеям В.И. Вернадского, В.Н. Солнцев (Солнцев, 1981), “логика реальности”; или, как говорил другой известный ландшафтовед – А.К. Черкашин, “триалектика” и “полилектика (Черкашин, 1997, с. 37, с. 44, с. 444). Они не изгоняют парадокс ни из мышления, ни из ландшафта (мышление ведь тоже в н у т р и ландшафта). Сегодня признание парадокса, противоречия и даже абсурда «сыном», пусть и «блудным», уже не только экзистенциализма, а и эпистемологии, в общефилософском плане задекларировано в философском учении *дациалетеизма* (Прист, 2024). Очевидно, такóй ландшафт, неся в себе самом противоречие и абсурд, будет постоянно докучать Матрице в её стремлении представить хаос как закономерную рестрикцию, стройный догмат, железобетонную доксу.

Но функционирующей «на краю ночи» (в понимании Л.Ф. Селина), Матрице, удаётся с помощью клипов переводить порядок в хаос и хаос в рестрикцию, так быстро, что *Я* утрачивает понимание причинно-следственных связей и начинает путать местами экзистенцию и эпистемологию. Путаница создает благоприятную почву для трансформации свободы воли в свободу воления – своеволие и произвол. Свобода воли и своеволие-произвол внешне могут быть очень похожими, особенно в функционально-психологическом контексте. Однако их всегда можно различить. Онтология этого различения н е г а т и в н а (по аналогии с «негативной диалектикой» Теодора Адорно). Поясним нашу мысль примером, в истории философии хорошо известным.

Если свобода воли, которая порождается свободой выбора, а последняя – подчеркнем ещё раз, – имманентна ландшафту, превращается в свободу воления, то следующим шагом на пути её экзистенциальной трансформации становится в о л я к в л а с т и. Как именно это происходит, исчерпывающе показал Фридрих Ницше и частично З. Фрейд. Мы не станем повторять их хорошо известную, в значительной мере клиповую аргументацию, а вспомним только тот исторический факта, что ницшеанство несёт морально-философскую ответственность за порождение и утверждение, как идеологии и способа миропонимания, н а ц и з м а. Обезличивание *Я* , как одна из важнейших форм насилия, суть способ и цель бытования Матрицы в истории и историей. Поэтому рождение из воли к власти нацизма и других человеконенавистнических «учений» закономерно. Историческая глобализация этого зловещего алгоритма – превращение свободы воли в волю к власти и далее – в произвол, ведёт к переносу ненавистничества с отношения человека к человеку на отношение человека к природе. Закономерный результат – та экологическая катастрофа, «дух» которой сегодня носится над историей и в ближайшем будущем, кажется, собирается спуститься на грешную Землю. Этот спуск сопровождается формированием ещё одной земной оболочки – дигитосферы. А может, обусловливается им … не важно. Важно то, что́ ждёт нас в недалёком будущем. А ждёт нас – обострение контроверзы «ландшафт *VS* матрица» до масштаба гамлетового вопрошания *to bee ore not to bee*. Если мы выберем Ландшафт, а не Матрицу, то *to bee* , если наоборот, то *not to bee*. Ландшафт, как онтология, порождающая свободу воли, становится на пути Матрицы н е г а т и в н о, «отрезая» от свободы воли аватаров свободы – волю к власти и произвол. Но обсуждение этого вопроса уже выходит за рамки заявленной темы статьи. Завершая же тему, укажем вскользь ещё на несколько моментов противостояния Ландшафта и Матрицы.

1. Ландшафт противостоит Матрице как лицевость. Поскольку смысл функционирования Матрицы в том, чтобы обезличить *Я*, очевидно, что свойства ландшафта, которые препятствуют этому, будут также выступать формой ландшафтной защиты. Одним из очевидных постулатов

ландшафтоведения является то, что ландшафт *физиономичен* (=лицев). Совершенно очевидно, что онтологическая неизбежность для ландшафта быть лицевым будет выступать мощнейшим препятствием для проведения Матрицей каких бы то ни было манипуляций по обезличиванию *Я* и продукта его деятельности – истории.

2. Ландшафт как сплошная консистенция. Ландшафт, если его рассматривать как феномен, порождаемый а п о ф а т и к о й бытия, обладает свойством неограниченной эластичности, перерастающей в *сплошность консистенции*. Его даже определить можно, как сплошную консистенцию (Тютюнник, 2000). Она обусловливается тем, что, с одной стороны, любой элемент всегда выбирается ***из*** ландшафта, с другой, – всегда вставляется ***в*** ландшафт. Отсюда несложно заключить, что такое явление как р а з н о о б р а з и е (разнообразие как таковое) порождается именно ландшафтом. Из ландшафта всегда можно получить нечто новое и/или неизвестное, и всегда можно в ландшафте найти место тому, с чем разум уже познакомился. Это свойство ландшафта (как одно из следствий из аксиомы выбора) Матрицей, стремящейся заменить разнообразие клипом и разум – клиповым сознанием, преодолено быть не может.

3. Ландшафт как часть-целое. Дилемма части и целого в философии и науке традиционна и хороша известна. В географии тезис о том, что ландшафт является целостностью, рождающейся при взаимодействии между собой его частей (элементов, компонентов, целостностей более низкого иерархического ранга), считается постулатом. В контексте противостояния Ландшафта и Матрицы, указание на то, что из взаимодействия частей рождается эмерджентность целого, представляет определённую опасность. Ведь Матрица функционирует так же: объединяет части в эмерджентности (или квазиэмерджетности). Внешне сие походит на ландшафтизацию бытия, и это – экзистенциальная ловушка: и для *Я* и для ландшафта. В неё можно попасться. Но её можно и обойти. Это требует дополнительного внимания, напряжения и усилий, а также знаний. Поэтому не лишней будет такая, на первый взгляд, странная постановка вопроса: нельзя ли избежать постулата составленности целого из частей? Мы отвечаем утвердительно: можно. Одним из способов избежать дилеммы части и целого может быть понимание ландшафта, как *части-целого* (даже «частицелого»). Оно имеет достаточно прочный онтологический базис в таких понятиях постструктурализма и феноменологической диалектики, как «единичное-множественное», «самотождественное различие», «подвижной покой», «тело без органов» и др. Пусть взгляд на ландшафт как «частьцелое» побудет рабочей гипотезой. Если у Читателя возникнет желание поработать с ней, то автор будет считать, что статья удалась.

ВЫВОДЫ

1. Матрица является амбивалентным феноменом, в котором образно-знаковое, системно-структурное и технотронно-машинное начала образуют онтологическую целостность. Матрица обладает свойствами субъектности и субъективности. Формируемая и организуемая нею структура информационных потоков, направлена во вред человеку: способом и целью её бытования является обезличивание любого *Я*, т.е. уничтожение субъективности как таковой. В социальном смысле матрица это парадигма, догмат и докса.

2. Историческое открытие Матрицы, как способа ментального утверждения и поддержания этатизма, сделано географом П.А. Кропоткиным. Антрополог Б.Ф. Поршнев главные приёмы осуществления Матрицей своих функций определил как суггестию и контрконтрсуггестию. С помощью кодирования и кодификации земной поверхности Матрица превращает исторический процесс в последовательность актов территоризации, детерриторизации и ретерриторизация. В таком контексте историю можно разделить на четыре этапа – «дикарский», «варварский», «капиталистический» (по Ж. Делёзу – Ф. Гваттари) и «дигитальный» – современный.

3. Поскольку *Я* имеет ландшафтную природу (имманентно ландшафту), негативное отношение Матрицы к *Я*, переносится на ландшафт, возникает контроверза «ландшафт vs матрица». Одновременно это создает предпосылки для обращения к Ландшафту как историческому способу преодоления Матрицы («ландшафтная защита»).

4. Поскольку главный аргумент-соблазн Матрицы в процессе обезличивания нею *Я* это большие скорости генерирования, перемещения, трансформации и складирования информации, то эффективным и по существу квазигеографическим способом борьбы человека с матрицей может быть онтологическое торможение этих скоростей, осуществляемое с помощью планово-рамочных (в понимании Ж. Делёза и Ф. Гваттари) ограничений потоков и перемещений хаоса.

5. Другие способы ландшафтной защиты от разрушения Матрицей *Я* и истории таковы: а) конечность числа элементов ландшафта (это перенормировывает бесконечность в невозможность и тем самым становится препятствием для достижения Матрицей запредельных скоростей манипулирования информацией); б) возможность для *Я* всегда выбрать из ландшафта какой угодно его элемент и всегда «вставить» в ландшафт какой угодно объект (как материальный, так и идеальный) в качестве элемента – аксиома выбора. Тем самым ландшафту сообщается имманентность свободы выбора, а значит и свободы воли, а свобода – главный враг Матрицы; в) способность ландшафта вмещать в себе любые противоречия, парадоксы и абсурд, что мешает осуществляться матричным

алгоритмам рестриктиризации, направленным установление жёсткого порядка догмы и доксы; г) консистентность ландшафта – свойство, близкое к качеству «б», но отличающееся от него континуальностью, что обеспечивает ландшафту топологическую непрерывность (алгоритмы Матрицы принципиальное дискретны); д) физиономичность / лицевость ландшафта. Способ и цель бытования Матрицы – обезличивание *Я*. Поэтом личность, как то, что обладает лицевостью, противостоит Матрице; е) возможность в ландшафте снять оппозицию части и целого, если конституировать его как часть-целое. Это дополнительное неудобство для Матрицы, поскольку одним из главных способов проводимого нею обезличивания является полное подчинение части целому с лишением части каких бы то ни было онтологических прав; ж) наконец, Матрица физически зависима от энергии и ресурсов, а значит от ландшафта, от окружающей среды. Исчезновение из ландшафта энергетического источника и вещества для технического смовоспроизводства означает разрушение и исчезновение Матрицы.

ЛИТЕРАТУРА

Архимед. 1962. Псаммит / Архимед. Соч: пер. древнегреч. М.: изд. Наука, 1962. С. 598-603./ Archimedes. 1962. Psammit. In Archimedes. Writings. Moscow, Gos. Izd. Fiz.-Mat. Lit. Publ., pp. 358–367. (Ru).

Беручашвили, Н.Л. 1990. Геофизика ландшафта. М.: изд. Высш. шк., 1990. 287 с./ Beruchashvili, N.L. 1990. Geophysics of Landscape]. Moscow, Vyssh. Shkola Publ., 287 pp. (Ru).

Беручашвили, Н.Л. 1986. Четыре измерения ландшафта. М.: изд. Мысль, 1986. 182 с./ Beruchashvili, N.L. 1986. Four dimensions of landscape. Moscow, Mysl' Publ., 182 pp. (Ru).

Бодрийяр, Ж. 2000. Символический обмен и смерть. М.: изд. Добросвет, 2000. 387 с./ Baudrillard, J. 2000. Symbolic Exchange and Death. Moscow, Dobrosvet Publ., 387 pp. (Ru).

Больцано, Б. Парадоксы бесконечного, § 14. Эл. Ресурс: http://bbi-math.narod.ru/bolzano/ p0110.html; последнее посещение – октябрь 2025./ Bolzano, B. Paradoxes of the Infinite, § 14. Electronic Resource: http://bbi-math.narod.ru/bolzano/p0110.html; last visited – October 2025. (Ru).

Гродзинський, М.Д. 2005. Пізнання ландшафту: місце і простір. У 2-х т. К.: Видавничо-поліграфічний комплекс «Київський університет», 2005. Т.2. 503 с./ Grodzynskyi, M.D. 2005. Landscape Cognition: Place and Space. In 2 volumes. Kyiv, Publishing and printing complex "Kyiv University", vol. 2, 503 pp. (Ua).

Дельоз, Ж. & Гваттарі, Ф.1996. Анти-Едіп / пер. з фр. К.: вид. Карме-Сінто, 1996. 384 с./ Deleuze, G. and Guattari, F. 1996. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. Kyiv, Karme-Cinto Publ. 384 pp. (Ua).

Делёз, Ж. & Гваттари, Ф. 1998. Что такое философия / пер. с фр. М.: Институту экспериментальной социологии, СПб.: изд. Алетейя, 1998. 288 с. /Deleuze, G. and Guattari, F. 1998. Qu'est-ce que la Philosophie, Moscow, Institute of Experimental Sociology Publ.; Saint Petersburg, Astrel' Publ., 288 pp. (Ru).

Замятина, Н.Ю. 1999. География мысли // Изв. РАН. Сер. геогр. 1999. №4. С. 124-126./ Zamyatina, N. Yu. 1999. Geography of thought. Izv. RAN. Ser. Geogr, # 4, pp. 124-126. (Ru).

Камю, А. 1990. Бунтующий человек / А. Камю. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: пер. с фр. М.: Политиздат, 1990 . С. 119-356 с./ Camus, A. 1990. The Rebel / A. Camus. The Rebel. Philosophy. Politics. Art. Moscow, Politizdat Publ., pp. 119-356. (Ru).

Костинский, Г.Д. 1997. Географическая матрица пространственности // Изв. РАН. Сер. геогр. 1997. №5. С. 16-31./ Kostinsky, G.D. 1997. Geographical matrix of spatiality. Izv. RAN. Ser. Geogr, # 5, pp. 16-31. (Ru).

Коэн, П. Дж. 2009. Теория множеств и континуум гипотеза / пер. с англ. М.: изд. URSS, 2009. 348 с./ Cohen, P.J. 2009. Set Theory and the Continuum Hypothesis. Moscow, Librocom Publ., 348 pp. (Ru).

Кржижановский, С. 1990. Клуб убийц букв / С. Кржижановский. Возвращение Мюнхгаузена. Повести. Новеллы. Воспоминания о Кржижановском. Л.: изд. Худ. лит., 1990. С. 201-300./ Krzhizhanovsky, S. 1990. The Club of Letter Killers / S. Krzhizhanovsky. The Return of Munchausen. Stories. Novellas. Memories of Krzhizhanovsky. Leningrad, Publ. of Art. Literature, pp. 201-300. (Ru).

Кропоткин, П.А. 1990. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: изд. Правда, 1990. 638 с./ Kropotkin, P.A. 1990. Bread and Freedom. Modern Science and Anarchy. Moscow, Pravda Publ. 638 pp. (Ru).

Кудряшев, А.Ф. 1997. Бесконечность в себе / Бесконечность в математике: философские и исторические аспекты: Сб. М.: изд. Янус-К, 1997. С. 265-272./ Kudryashev, A.Ph. 1997. Infinity in it self. In Infinity in Mathematics: Philosophical and Historical Aspects. Moscow, Yanus-K Publ., 1997, pp. 265–269. (Ru).

Куратовский, К. & Мостовский, А. 1970. Теория множеств / пер. с англ. М.: изд. Мир, 1970. 416 с./ Kuratowski, K. and Mostowski, A. 1970. Set Theory. Moscow, Mir Publ., 416 pp. (Ru).

Лавренова, О.А. 2022. Семиосфера и дигитосфера: пересечение реального, виртуального и фейкового пространств // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022 №1 (49). С. 28-42. DOI: 10.31249/chel/2022.01.02/ Lavrenova, O.A. 2022. Semiosphere and digital sphere: the intersection of real, virtual and fake spaces. Man: Image and Essence. Humanitarian Aspects, # 1(49), pp. 28-42. DOI: 10.31249/chel/2022.01.02 (Ru).

Лосев, А.Ф. 2013. Диалектические основы математики. М.: изд. Academia, 2013. 800 с./ Losev, A.F. 2013. Dialectical Bases of Mathematics. Moscow, Academia Publ., 800 p. (Ru).

Панов, А.Д. 2013. Природа математики, космология и структура реальности: физические основания математики / Метавселенная, пространство, время: Сб. М.: изд. ИФРАН, 2013. с. 74-103./ Panov, A.D. 2013. The nature of mathematics, cosmology, and the structure of reality: physical foundations of mathematics. In Metauniverse, Space, Time. Moscow, IFRAN Publ., pp. 74-103. (Ru).

Поршнев, В.Ф. 1974. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: изд. Мысль, 1974. 487 с./ Porshnev, V.F. 1974. On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology). Moscow, Mysl' Publ., 487 pp. (Ru).

Прист, Г. 2024. За пределами мысли / пер. с англ. М.: изд. Канон + РООИ Реабилитация, 2024. 464 с./ Priest, G. 2022. Beyond the Limits Thoughts. Moscow, Kanon+ Publ., ROOI “Reabilitation” Publ., 464 pp. (Ru).

Рансьер, Ж. 2007. Разделяя чувственное / пер. с фр. СПб.: изд. Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2007. 264 с./ Rancière, J. 2007. Sharing the Sensual. Saint Petersburg, Izdatel’stvo Yevropeiskogo Universiteta v Sankt-Peterburge Publ, 264 pp. (R)

Ротенберг, В.С. 1978. Активность сновидений и проблема бессознательного // Бессознательное. Природа, функции, методы, исследования. Тбилиси: изд. Мецниереба, 1978. В 3-х т. Т. 2-й. С. 99-112./ Rotenberg, B.S. 1978. Dream activity and the problem of the unconscious. In The Unconscious. Nature, Functions, Methods, Research. Tbilisi, Metzniereba Publ., in 3 volumes, vol. 2, pp. 99-112. (Ru).

Смольская, Е.П. 1986. «Массовая культура»: развлечение или политика? М.: изд. Мысль, 1986. 144 с./ Smolskaya, E.P. 1986. "Mass Culture": Entertainment or Politics? Moscow, Mysl' Publ., 144 pp. (Ru).

Солнцев, В.Н. 1981. Системная организация ландшафтов : (проблемы методологии и теории). М. : изд. Мысль, 1981. 240 с./ Solncev, V. N. 1981. System Organization of Landscapes: (Problems of Methodology and Theory). Moscow, Mysl' Publ., 240 pp. (Ru).

Тютюнник, Ю.Г. 2020. О ландшафтной природе субъективности // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 194-203./ Tyutyunnik, Yu.G. 2020. On the landscape nature of subjectivity. Questions of Philosophy, # 3, 194-203 pp. doi: https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-194-203.

Тютюнник, Ю.Г. 2000. Сплошная консистенция ландшафта // Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження. К., 2000. Вип. 4. С. 182-202./ Tyutyunnik, Yu.G. 2000. Continuous consistency of the landscape. In Totallogy-XXI. Post-non-Classical Investigations, vol. 4. Kyiv, TsGO Publ., pp. 182-202. (Ru).

Тютюнник, Ю.Г. 2022. Топологическое представление геокомпонентов // Известия РГО. 2022. Т. 154, вып. 2. С. 22-36. DOI: 10.31857/ S0869607122020045./ Tyutyunnik, Yu.G. 2022. Topological representation of geocomponents. Izv. Rus. Geogr. Soc., vol. 154, # 2, pp. 17–29. doi**:** 10.31857/S0869607122020045 (Ru).

Хайдеггер, М. 2002. Бытие и Время / пер. с нем. М.: изд. Наука, 2002. 452 с./ Heidegger M. 2002. Being and Time. Moscow, Nauka Publ., 462 pp. (Ru).

Хакинг, Я. 2020. Почему вообще существует философия математики? / пер. с англ. М.: изд. Канон + РООИ «Реабилитация», 2020. 400 с./ Haking, Ya. 2020. Why Does Philosophy of Mathematics Exist at All? Moscow, Kanon+ Publ., ROOI "Reabilitatsiya", Publ. 400 pp. (Ru).

Хоркхаймер, М. & Адорно, Т.В. 1997. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. – СПб.: изд-ва Медиум и Вента, 1997. 312 с./ Horkheimer, M and Adorno, T. 1997. Dialectics of Enlightenment. Moscow – Saint Petersburg, Medium Publ., Juventa Publ., 312 pp.

Черкашин А.К. 1997. Полисистемный анализ и синтез. Приложение в географии. Новосибирск: изд. Наука, 1997. 502 с./ Cherkashin, A.K. 1997. Polysystem Analysis and Synthesis: Application in Geography. Novosibirsk: Nauka Publ., 502 pp. (Ru).

Cotrina, J.A. 2001. Salir de fase / Premio UPC 2000: Novelas cortas de ciencia ficción. Girona – Sabadel, Ed. Puresa, pp. 119-220.

Wul, S. 1958. L'orphelin de Perdide. Paris, Ed. Fleuve Noir Ed., 186 pp.
186 p.